
Ростислав Кононенко

ТРАДИЦИЯ КАК ИНКЛЮЗИЯ. РЕСУРСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ.

Исследование посвящено инклюзии и ее проявлению в современных контекстах бытования фольклора. В фокусе внимания автора не только объединения любителей русского фольклора, но и раскрытие роли элементов традиционной культуры в инклюзии, интеграции или разграничении между группами, восприятие традиционной культуры в контексте современности. Статья показывает ресурсы зарубежного и отечественного опыта обращения к фольклору в целях инклюзии в форматах различных культурных проектов, охватывающих концертную работу, выставки, работу мастерских, веб-сайты, образовательные программы, перформативные жанры, стажировки и фестивали. Несмотря на то, что традиционная культура может запускать механизмы исключения, в ней есть ресурс инклюзивности. Многие формы народного творчества позволяют реализовать потенциал социальной инклюзии и поддерживать активную жизненную позицию людей с инвалидностью и их семей, а также других уязвимых социальных групп. Трудности и возможности поддержания и развития таких форм обсуждаются в статье с опорой на данные интервью с энтузиастами сохранения и бытования традиций. Выявлена созидательная роль представителей социально исключенных групп, а также публичных фольклористов как фасилитаторов и промоутеров таких проектов. Показано, что функции публичной фольклористики, а именно использование знаний о фольклоре для решения проблем в современном обществе начинают реализовываться и в России. Городские любители фольклора продвигают ценности инклюзии в своих сообществах, занимаясь традиционной культурой в городе, приезжают в села и осуществляют культурный обмен, взаимодействуют с сельскими жителями, выступают с фольклорными концертами, проводят фестивали и мастер-классы. Таким образом происходит интеграция интересов сельских и городских жителей вокруг

Ростислав Вадимович Кононенко – к.социол.н., факультет социальных наук, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: kononenko-rv@mail.ru

народной эстетики и ценностей сплочения. При этом, в одних случаях центром взаимодействия становится городская культурная инициатива, а в других – сельские локации, и здесь накапливается новый фольклорный материал, в трансляции которого участвуют и городские акторы. Через призму восприятия традиционной культуры современными фольклористами инклюзия видится возможной, а традиция – полезной для принятия разнообразия и движения к социокультурной интеграции.

Ключевые слова: фольклор, инклюзия, инаковость, инвалидность, традиционная культура

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-573-590

Инклюзия становится одной из актуальных тем в современной России. Понятие инклюзии входит в лексикон преподавателей и исследователей, педагогов и социальных работников, чиновников и практиков в сфере культуры, образования, социальной защиты и занятости. Инклюзивные принципы приходят на смену отношениям и практикам социальной эксклюзии и стигматизации. Устоявшиеся представления о людях с инвалидностью как о больных не отвечают современным принципам социальной жизни, поскольку ведут к исключению детей и взрослых с ограниченными возможностями. Но содержит ли традиционная культура лишь символы и механизмы исключения? Можно ли потенциал инклюзии найти в традициях, в фольклорном материале? В задачи статьи входит собрать воедино крупницы таких практик городских фольклористов, которые из отдельных примеров постепенно становятся паттернами, образцами инклюзии.

Народная культура, столетиями развивавшаяся в относительно однородной деревенской среде, сегодня превратилась в культуру элитарную, предмет внимания городских любителей фольклора. Во многом это произошло при помощи экспедиционной и просветительской деятельности фольклористов (Кононенко 2019: 190; Kononenko, Karova 2012). Участники освоения фольклорного наследия зачастую сталкиваются с различными интерпретациями традиции в современной культуре и таким образом создают водораздел между традиционным и современным искусственно изобретенным. Лаура Олсон (Olson 2004) показала в своем исследовании, что некоторые элементы собранного в селах материала руководители фольклорных ансамблей выбраковывают, а что-то, наоборот, разучивают, исполняют со своими коллективами для сельских жителей сами. Материал для последующего изучения и исполнения отбирают в соответствии со своими представлениями о том, что является традиционным, а что современным.

Многие традиции лишь кажутся старыми. Как указывает Эрик Хобсбаум, часто они имеют недавнее происхождение и даже могли быть внедрены сверху, с целью распространения новой системы ценностей и поведенческих норм.

Традиции помогают укреплять узы верности. Некоторые новые практики не претендуют на то, чтобы казаться старыми традициями. Другие же внедряются так, чтобы их считали «укорененными в истории», «исконными» и «подлинными» (Хобсбаум 2015). В изменяющихся обществах возникает потребность внедрить традиции, которые бы проросли на существующей почве и смогли бы выступить необходимым культурным механизмом для распространения новых ценностей. В изобретении и внедрении традиций участвуют разнообразные институты и акторы.

В статье я пытаюсь показать, как инклюзия как новая ценность современного общества может быть распространена с помощью традиций, тщательно изучаемых и институционализируемых в поле деятельности любителей фольклора. А также отвечаю на вопрос о том, каков инклюзивный потенциал фольклора в современном обществе. При этом под фольклором понимаются не только распространенные образцы устного народного творчества, но и произведения разнообразных народно-поэтических жанров, созданных любыми сообществами и ставшие частью их наследия.

Статья построена на анализе зарубежного и отечественного опыта в области публичной фольклористики, педагогики, культурологии, анализе мнений руководителей и участников творческих объединений, городских студий и клубов народной культуры (см. подробнее: Кононенко, Ярская-Смирнова 2022). Для ответа на исследовательский вопрос рассмотрены сюжеты, связывающие современный фольклор с инклюзией в контексте опыта определенных групп и сообществ, объединенных общим опытом переживания болезни, инвалидности, стигматизации. А также раскрыты некоторые идеи публичной фольклористики, чтобы показать ресурсы сплоченности и уважения точки зрения маргинализированных и стигматизированных групп, переживших травматический опыт. Исследование подкрепляется результатами анализа интервью с руководителями фольклорных ансамблей, лагеря, мастерской и клубов, занимающихся изучением и презентацией народной культуры. Интервью собраны в 2019–2022 годах в нескольких российских городах (Москва, Самара, Нижний Новгород, Саратов, Волгоград, Казань) очно и онлайн с использованием гайда. Исследование проводилось в несколько этапов, всего с представителями сообществ любителей фольклора собрано 22 интервью, в том числе четыре на последнем этапе – в рамках исследования социокультурных аспектов дезурбанизации – проводились с организаторами фольклорно-просветительских проектов в сельской местности.

Фольклор инвалидности

Нередко в повседневном общении люди прибегают к шуткам, анекдотам, высмеивающим и унижающим людей с инвалидностью. Такой фольклор отражает страхи и предрассудки. Есть и другие образцы

фольклора, в том числе смеховые: они возникают в контексте общего опыта переживания особенностей развития, здоровья, коммуникации или трудностей с обучением у детей и взрослых. Например, в семьях, сообществах людей с инвалидностью создаются и циркулируют юмористические рассказы, сказки, мемы, а также шутки, истории и метафоры из выступлений комиков, стэндаперов с инвалидностью, которые становятся важным ресурсом самообладания, солидаризации и протеста людей, объединенных общими проблемами и испытаниями (Хартблэй 2014). Речь идет о повседневных практиках людей с инвалидностью и их семей, сталкивающихся с вызовами со стороны общества и социальной политики (см. напр.: Watts 2007: 109–110). Такой «фольклор инвалидности» (*disability folklore*), позволяя морально адаптироваться к трудным испытаниям, возникает и развивается в противовес устойчивым общественным стереотипам и тем категориям, которые складываются в официальном дискурсе.

Новая концептуализация фольклористических подходов к изучению инвалидности, здоровья и травмы, исследования на пересечении предметных ракурсов фольклористики, этнографии и *Disability Studies* бросают вызов традиционным представлениям о «нормотипичности» (Blank, Kitta 2015). Речь идет о сенситивных и важных процессах, которые оформляют смыслы в жизни людей и сообществ, подвергаемых медицинской стигматизации. Эти люди бросают вызов и сопротивляются противоречивым публичным реакциям, физическим и социальным ограничениям, характеризующим окружающую среду. В современных практиках сторителлинга, блогах и других нарративных и визуальных жанрах производятся, распространяются и популяризируются знания об инвалидности, болезни, травме (Calem 2018). Они становятся народной мудростью, фольклором, который бытует в среде объединенных общим опытом людей, передается из поколения в поколение, обновляется и живет новой жизнью, утрачивается или фиксируется собирателями, самими авторами в социальных сетях, других веб-ресурсах. В этом поле, как представляется, содержится мощный потенциал социальной инклюзии и активной жизненной позиции людей с инвалидностью и их семей. Так фольклористика становится публичной, ориентированной на просвещение массовой аудитории, продвигающей ценности инклюзии, сплочения, солидарности.

Публичная фольклористика: проекты инклюзии и сплочения

Публичные фольклористы становятся своеобразными культурными брокерами. Среди них могут быть люди с разным образованием, в том числе, филологи, историки, этнографы, музыканты, получившие специальную подготовку в университетах, но немало в этом сообществе и любителей фольклора. Публичные фольклористы исследуют различные стороны народной культуры

и взаимодействуют с сообществами, чтобы дать им возможность поддерживать свои традиции (Вагон 2016; 2019). Это осуществляется посредством мероприятий, направленных как на сохранение местных традиций, так и на представление их новой аудитории. Тем самым у сообществ появляется больше возможностей сохранять, изучать и представлять другим свою культуру и историю, особенно это важно для тех групп, которые недостаточно представлены в музеях и архивах. Специальные программы позволяют сохранять и поддерживать привычные контексты исполнения и тем самым фольклор остается живой традицией.

Культурные диалоги между сообществами и масс-медиа, в которых участвуют публичные фольклористы, открывают перспективы, различные точки зрения на исторический опыт и события (Spitzer 2007: 99). Они оспаривают, подтверждают или предоставляют альтернативные свидетельства об истории. Например, проект «Выжившие после ураганов Катрина и Рита» выступил в противовес тому, как были представлены в СМИ люди, пережившие ураган 2005 г. В масс-медиа их нередко изображали как жертв и преступников. Фольклористы обучили тех, кто выжил после урагана и переехал в Хьюстон, собирать друг у друга истории. Проект был представлен публике с помощью выставки работ и веб-сайта с яркими нарративами. Фольклорист Карл Линдал, разработавший общую организационную и программную структуру проекта, подчеркивал важность предоставления полномочий на интерпретацию самим членам сообщества, пережившим тяжелые испытания. Линдал утверждает, что рассказы о катастрофах Катрина и Рита служат важным народным инструментом для выражения того, как рассказчики относятся к доминирующему социальному порядку, чтобы помочь своим сообществам найти объяснения случившегося, соответствующие их убеждениям (Lindahl 2012: 153, 143). Другой проект городских знаний «Место имеет значение» (Place Matters) предлагает альтернативы доминирующим представлениям об истории. Проект организован объединением художников и городских фольклористов *CityLore*, работающим с 1985 г. для поддержания инициатив городских сообществ и движений по сохранению и развитию локальных культур, творчества и наследия городских сообществ. Он документирует, защищает и представляет места в Нью-Йорке, имеющие локальное значение, особенно те, которые находятся под угрозой разрушения. Члены сообщества предлагают места, богатые личной и местной коллективной памятью, для включения в проект.

В 2020 г. под редакцией Селины Моралес (Morales 2020), публичного фольклориста из Филадельфии, которая занимается вопросами городского фольклора, эстетики сообществ, наследия и социальной справедливости, вышел номер Журнала фольклора и образования, посвященный роли фольклора в продвижении ценностей равенства и справедливости. В этом выпуске показана роль фольклора в укреплении инклюзии и сплоченности в сообществах. При этом делается акцент на том, что инструменты работы фольклориста –

этнографическое наблюдение, интервью, поиск традиций, обычаев, ритуалов, сбор разнообразных нарративов и артефактов, а также анализ текстов имеют большой потенциал в продвижении социальной справедливости. Особенно эти способы познания и просвещения важны в образовании, поскольку изучение фольклора ориентирует учащихся на признание языкового, культурного, социального и расового многообразия, а преподавателям дает ресурсы для более полного вовлечения разнообразных аудиторий. По мнению С. Моралес, фольклор окружает нас повсюду, это такой мощный, динамичный и многомерный инструмент, который мы должны использовать, чтобы достичь равенства и справедливости (Morales 2020).

Включение фольклора и критического мультикультурного знания в подготовку учителей позволяет развернуть парадигмы навстречу равенству и справедливости (May-Machunda 2020), как это было сделано в проекте приобщения к ценностям свободы и равноправия учеников племени Якама посредством коллективного сочинения песен с участием детей и пожилых членов племени и учителей школы (Igari et al. 2020). Такой «индигенный» подход к обучению, учитывающий мировоззрение и практики коренных народов, позволяет преодолеть сложившиеся гегемонные отношения в образовательном учреждении. Или как было сделано в другом проекте Чайнатауна в Бостоне, где применялись визуальные нарративы для сопротивления исторически укорененным формам исключения, экзотизации и джентрификации (Rubin et al. 2020).

Эти примеры показывают терапевтическую и просвещенческую роль фольклорных практик, в том числе в преодолении маргинализации и исключения социальных групп, причем возникающих не только по принципу «крови», по происхождению. Группы, которые создают свою историю, свой фольклор, могут возникать на основе пережитого опыта, в том числе, как показано выше, травмирующего, а также других разнообразных переживаний. Так создаются традиции, которые без поддержки проектов публичной фольклористики могли бы не состояться. В отличие от изобретения традиций сверху, направленного на управление народом посредством макронарративов о национальной истории (Хобсбаум 2015), в данных примерах речь идет о культурном производстве традиций снизу, которые усиливают слабых, расширяют их шансы на полноправную интеграцию в жизнь общества.

Фольклор сегодня предполагает не только сбор, анализ, разучивание и сценическое исполнение народного творчества. Функции публичной фольклористики, а именно использование знаний о фольклоре для решения проблем в современном обществе начинают реализовываться и в России. Городская интеллигенция продвигает ценности инклюзии в своих сообществах, занимаясь традиционной культурой. Другая миссия горожан любителей фольклора: они приезжают в села и осуществляют культурный обмен, взаимодействуют с сельскими жителями, выступают с фольклорными концертами, проводят фестивали и мастер-классы, способствуя

интеграции интересов горожан и сельских жителей вокруг народной эстетики и ценностей сплочения (И 13).

В тех местах, куда приезжает городская интеллигенция (Покровский и др. 2021), порой открывается новое дыхание: возрождается интерес к творчеству, складываются различные практики предпринимательства, в том числе этнографический туризм и ремесла, проводится фестивальная деятельность. При этом в одних случаях центром взаимодействия становится городская культурная инициатива, а в других – локальные точки притяжения, и здесь накапливается новый фольклорный материал, в трансляции которого участвуют и городские акторы. Информанты рассказывают об эффектах ревитализации бытования традиционного устного народного творчества (И 14). Однако, основной потенциал отечественной публичной фольклористики проявляется в инклюзивных городских проектах.

Фольклор в инклюзивных программах

У отечественных исследователей и практиков инклюзия оказывается в центре внимания педагогической сферы (Воронова 2017: 37). В инклюзивных школах вводится предмет «Фольклор», где во время проведения урока все участники, в том числе и дети с особенностями развития, активно взаимодействуют. Даже если у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) есть трудности в освоении других школьных предметов, на занятиях фольклором успешны все без исключения.

В народной культуре много практик и текстов, репрезентирующих исключение (Добровольская 2016), однако, как представляется, фольклор может выполнять инклюзивную роль в умелых руках, поскольку обладает воспитательным потенциалом. Народные легенды, притчи, сказки используются на занятиях, вечерках и выступлениях наряду с другими фольклорными жанрами, чтобы разрядить обстановку, настроить аудиторию и участников. Такие истории берут из собственной жизни, привозят из экспедиций, но «деревенский» юмор не всегда подходит для рассказов со сцены. Некоторые меняют что-то в притче, создают свою поучительную, чтобы учить добру, любви (И8).

В фольклоре, по мысли участников исследования, есть элементы инклюзии, сюжеты и символы, которые могут помочь переосмыслить инвалидность: *«увечья не воспринимаются как увечья, Иван-дурак оказывается самым умным, хромая лошадка – самым сильным конем»*. Фольклор живет в коммуникациях, мероприятиях, взаимодействиях с другими, в том числе и детьми или взрослыми с особенностями, для которых в фольклоре место обязательно найдется, причем не обязательно только в образе *«слепых гусяров»*, как сказала одна из информанток.

Для социальной инклюзии детей с особыми потребностями важны такие особенности фольклорного взаимодействия, как синкретизм, равенство

присутствующих, коллективность общения (Николаев 2006: 63). Фольклор позволяет сменить привычные практики на «смеховую, карнавальную реальность, при которой обязательно перевоплощение, смена роли и функций на кардинально противоположные» (там же).

Например, в инклюзивном православном лагере, с активным использованием фольклора в различных мероприятиях (см. подробнее: Кононенко 2019), дети и взрослые с инвалидностью, приезжающие в лагерь, в процессе этих мероприятий, могут стать частью событий, почувствовать интеграцию в группу и ощутить равенство всех участвующих в действе, благодаря присутствию народной культуре синкретизму. Смена роли и функций позволяет переключиться с роли инвалида на другие, которые во время игровых практик принимаются данной социальной группой. Во время повседневного взаимодействия в общине, статус инвалида трансформируется в статус друга, одного-из-нас: во время занятий хозяйством с сопровождающими-волонтерами, походов в магазин, во время игр, участия в других групповых активностях. А затем во время награждения грамотами, они становятся на одну ступень со всеми жителями общины, сотрудниками лагеря, другими детьми. Инклюзия процесс комплексный. Помимо создания доступной среды, чрезвычайно важно через знание и практику формировать грамотное социальное отношение к людям с особыми потребностями. *«Первый раз, когда приехал, мне было одиннадцать-двенадцать лет, я вообще не понимал, как с этими "особенными" работать, взаимодействовать»* (И12). Вспоминая свой первый опыт общения с участниками с ментальными особенностями, одна из информанток призналась, что поначалу боялась сделать что-то не так, не понимала, как взаимодействовать с подопечными. Ее мировоззрение поменялось за одну смену в лагере, а в нарративе метафорически прозвучало как *«мне снесло палатку»* (И6). Со временем она научилась общаться с такими детьми, поняла их потребности, подружилась с ними.

Процессы инклюзии предполагают трансформацию установок и привычных практик всех участников лагеря. Важной в таких контекстах является позиция, с которой информанты смотрят на людей с инвалидностью, которым они помогают. Они не воспринимают это как услугу или работу, или обязанность. Это идет изнутри, от внутренней потребности не пройти мимо, подать руку. Информанты сходятся на том, что такое взаимодействие правильно будет назвать дружбой, а не наставничеством: *«Я чувствую себя другом. Волонтер – это значит, что все-таки есть какое-то разделение, что есть особый человек и есть обычный»* (И6).

Для того, чтобы создать одновременно инклюзивную, доступную, готовую к принятию инаковых людей, но и безопасную профессиональную среду, нужны образовательные тренинги и обсуждение этих вопросов с самими волонтерами. Однако опыт взаимодействия с *«особыми» людьми – не менее важный учитель: «Очень ценю этот лагерь, <...> я другому начал относиться к людям»* (И12).

По мнению волонтеров, жалостливое отношение к инвалидам вредно, нужно принимать людей с особенностями как равных, развивать у них потенциал, который есть внутри каждого человека: *«Ведь границы – они все в голове. Все остальное – это те возможности <...> которые необходимо нам взять в свои руки <...> и развивать»* (И2). Фольклор становится в таких пространствах материалом, предметом для общения, при этом инклюзия осуществляется в процессе повседневных забот, игр и охватывает не только людей с особенностями, но и членов их семей, волонтеров и всех участников программы.

Практики и смыслы инклюзии в фольклорных сообществах

Рассмотрим приемы, способствующие инклюзивным процессам в контекстах современных творческих объединений по данным интервью с руководителями городских студий и клубов народной культуры. У части информантов был успешный опыт привлечения людей с инвалидностью, в том числе и детей, в фольклорные ансамбли. Руководительница фольклорного ансамбля рассказала о семейной группе в составе ее коллектива, где выступают дети с синдромом Дауна: *«Очень интересно с ними заниматься, и они так тебя напитывают (положительными эмоциями)»* (И4).

Работа с особыми детьми требует развития педагогических и психологических навыков у руководителя ансамбля. Не всякие песни или игры будут восприняты детьми с ментальными особенностями так же, как нормотипичными сверстниками (И4). Процесс обучения затягивается, а результаты часто зависят не только от диагноза ребенка, но и от настроения родителей. *«Три мальчишки... заговорили на моих занятиях. Вот от всех этих ерундовских простых игр: "Скачет воробей-бей-бей". ...Все это огромная работа родителей, конечно. Я (занимаюсь) раз в неделю – это капля в море»* (И4).

Однако не все площадки готовы принять коллектив с детьми-инвалидами. Например, организаторы фестивалей и члены жюри зачастую не понимают ценность колоссального труда, вложенного в подготовку выступления, не видят смысла интеграции особых детей в фольклорное сообщество: *«Как узнают (члены жюри), что дети с синдромом: "Нет, мы таких не хотим". Это такое свинство, я с этим борюсь, конечно, но вот есть такое отношение»* (И4).

В этом случае дает о себе знать проблема инклюзивности более широкого общественного контекста. Тем не менее на площадках, где коллективу удастся выступать, реакция обычного зрителя почти всегда позитивная и восторженная: *«Вот большинство, большинство всегда плачут, подходят, руки трясут, говорят: "Какие вы молодцы". ...Они такие хорошие в этих сарафанах, кружатся, выходят, непосредственные, такая тут, как бы, милота»* (И4).

Однако когда дело касается непосредственно творческой деятельности ансамбля, оказывается, что включение всех в коллектив не приветствуется. Как пошутила одна из информанток, *«стремились к аутентичности, а получилась аутичность»* (И5).

На первый план в практиках включения-исключения выходит наличие общего мировоззрения, разделяемых культурных ценностей, традиций. Многие руководители и члены русских фольклорных ансамблей православные, и из коллектива могут исключить отдельных участников, по рассказу руководителя одного из коллективов, за *«увлечение неоязычеством»* (И1). При этом в свой круг принимаются люди иной конфессиональной принадлежности. Нам рассказывали о католиках и мусульманах, которые могут не участвовать в исполнении религиозных песен и стихов, но осваивать другие жанры, будучи много лет увлеченными русской музыкальной традицией: *«Совершенно нормально это, абсолютно без каких-то напрягов»* (И1).

По словам одного из руководителей коллектива, поскольку приходят к нему, *«в его монастырь»*, то люди должны следовать его уставу, и не вмешиваться в сложившиеся правила. При должном уважении, религиозные различия не помеха общению и совместному творчеству: *«И человек, который иной веры, там, я его не заставляю креститься... Я понимаю, что сейчас плюрализм мнений, и это не повод какой-то раздор вносить. Я всегда призываю к тому, чтобы мы друг на друга не давили»* (И2).

Присутствие в ансамбле людей, идентифицирующих себя не только с разными конфессиональными, но и этническими группами, для большинства информантов «нормально» и «не редкость»:

Конечно, были, есть, остаются. Есть еврей в коллективе. У нас старообрядец, казак уральский пел. Да, собственно прекрасный друг и товарищ по коллективу, в котором я веду занятия, татарин, и как бы вера там (другая). Вообще, мы здесь, <..> это такой этнический котел, и вообще, здесь всего хватает. Потому это нормальная ситуация для нас (И7).

Другой цвет кожи тоже не является поводом для неприятия или исключения. Нам рассказали о девочке с темным цветом кожи, чье появление в коллективе было «совершенно естественным», правда, в интервью подчеркивается роль общих религиозных убеждений:

Нет, не было (никаких трудностей), потому что все эти дети были из одного прихода, совершенно она нормально вписывалась. ... Другое дело, что со слухом жуткие проблемы и тяжело было научить ее петь ... и двигалась она не очень хорошо. Мне было удивительно, наоборот мне казалось, что люди вот такой (этничности), что она должна быть яркая, музыкальная, в этом плане (И1).

В этом случае руководителю удалось отрефлексировать стереотип о врожденных качествах, характерных для тех или иных условных этнических

групп. Для руководителей творческих коллективов, которые занимаются песенным народным творчеством, приоритетом является музыкальная одаренность участников, а также их внешность. С этим связаны практики отбора, однако и здесь много примеров инклюзии, когда руководители прилагают немало усилий, чтобы развить в новичках музыкальные качества или придумать им роль, соответствующую способностям.

Изучение традиционной культуры может привлечь людей с националистическими, антисемитскими взглядами. Одна информантка рассказала нам о своей гневной реакции на высказывания таких молодых людей, которые пришли заниматься в ансамбль (И9). Оскорбления и пропаганда национализма в городском фольклорном движении вовсе не приветствуются.

Особых правил и единого мнения о включении или не включении в фольклорные ансамбли людей с ограниченными возможностями здоровья нет. При этом ряд информантов вспомнили, что среди участников их коллективов были инвалиды. Как правило, это единичные случаи. Например, один участник плохо передвигался из-за болезни, но имел большой опыт и прекрасные исполнительские навыки – во время выступлений, на конкурсах он мог стоять, как и другие члены коллектива, а во время его игры на инструменте, он мог присесть на стул (И1).

Информанты вспомнили еще пару примеров эпизодического включения в деятельность коллектива нескольких людей с инвалидностью, обычно в сопровождении родителя. О системном подходе нам рассказала только одна информантка, которая собрала семейный ансамбль детей с особенностями, в его составе люди разных возрастов и видов инвалидности, дети, родители (И7).

По рассказам информантов, люди с инвалидностью неплохо вливаются в коллектив, если делают общее дело на равных, разделяют общее мировоззрение. Среди трудностей интеграции участников с особыми потребностями информанты называли, главным образом организационные сложности: удлинение репетиции за счет отвлечения педагога на потребности особого участника, необходимость дополнительных занятий, распределение ролей в постановках в соответствии с возможностями каждого участника: *«Ребята, надо сказать, всегда с пониманием к этому относились»* (И7). Но участие в деятельности ансамбля должно быть активным, поблажек людям с особенностями не дают, да они и сами об этом не просят: *«У тебя не получается – тебе нужно работать <...> то есть, ставим те же самые задачи, которые мы ставим перед всеми остальными ребятами»* (И7). О равном и даже «строгом» отношении к людям с ограниченными возможностями говорит и еще один наш информант. Он полагает, что отношение окружающих к человеку с проблемами со здоровьем часто определяет его самооощущение, а жалость подрывает веру в собственные силы: *«...строгость должна быть. Не жестокость, а строгость. Строгость, возможность силы рождает»* (И2).

Из сказанного следует, что субъектами эксклюзии – акторами, принимающими решение о том, кого включать, а кого исключать, – являются руководители.

Однако, не только общество влияет на инвалидов, но и человек с инвалидностью способен повлиять на то, как человек без инвалидности воспринимает мироустройство. Например, одна из информанток рассказала, как в начале своей деятельности не приняла в свой коллектив девушку с протезом нижней конечности. Позже руководительница ансамбля испытывала глубокое чувство вины, принесла извинения девушке, но долго не могла себя простить:

Она красивая, необыкновенная девочка, голос необыкновенный. <...> Почему-то тогда я была настолько слаба и немощна духовно, что мне Бог давал вот такую проверку меня. Тогда я еще думала, что мы будем показывать образцы фольклора людям, вещать. Это должна быть группа лидеров, лучших, все должны быть бриллианты, талантища. <...> Понимаете, Бог меня проверял на вшивость, а я не выдержала, мне очень стыдно. На самом деле, ничего, надели бы мы ей сарафан – и не видно бы было бы ничего. И никто бы даже не заметил (И8).

Как видим, фольклорный ансамбль в первую очередь понимается как сценический коллектив, отсюда следует определенным нормативным образом понимаемая зрелищность, эстетика нормальности. Сегодня канон меняется. Участие детей с особенностями в концертах некоторыми зрителями воспринимается с теплотой. Не за горами и изменение к взрослым людям с инвалидностью, более глубокое принятие разнообразия, в том числе, и в творческих проектах. Речь идет об инклюзивном векторе, который поворачивает мировосприятие лидеров творческих групп, их участников, зрителей и требовательного жюри. В творческих группах, центрах традиционной культуры складываются свои кодексы и ценностные ориентиры, в соответствии с которыми происходит отбор участников, а также воспитание новых учеников. Восприятие инаковости и инклюзии – неотъемлемая часть их стратегии и повседневной рефлексии. Представления о традиционности и мультикультурности, инклюзивности нередко оказываются противоречивыми, и каждый решает для себя эти вопросы по-разному.

Заключение

Как живая традиция фольклор уходит корнями в прошлое и воссоздается каждый раз, когда его практикуют и исполняют. Он сохраняет коллективную память, местные знания и традиционную эстетику, но часто сталкивается с проблемами устойчивого развития в современном мире. В международном опыте раскрывается ресурс публичной фольклористики. Полевые исследования служат основой для культурных проектов, охватывающих не только концертную работу, но выставки, работу мастерских, веб-сайты,

образовательные программы, презентации собранных и созданных материалов, выступления сторителлеров, стажировки и фестивали, включающие различные типы перформансов. В этом поле содержится мощный потенциал социальной инклюзии и активной жизненной позиции людей с инвалидностью и их семей, социальных групп, которые подвергаются маргинализации и социальному исключению в обществе. Сохранение традиций играет позитивную роль в готовности защитить свой образ жизни и привычную социальную реальность от разломов и катастроф.

Инклюзия становится сегодня новой ценностью российского общества. Нужно ли и можно ли изобретать традицию, которая будет инклюзивной? Да, конечно, это уже делается. При этом, такие традиции будут органично восприниматься и практиковаться людьми, если появятся снизу, с участием и среди тех, кто имеет опыт исключения и инклюзии, кто составляет и практикует разнообразие. Растет роль публичных фольклористов как фасилитаторов и промоутеров таких проектов, благодаря которым становится ценным опыт разных людей. Их представления о фольклоре тоже постепенно меняются, расширяя свой инклюзивный потенциал.

Как показывает опыт информантов, активно занимающихся привлечением детей с особенностями в фольклорные коллективы, со временем инклюзия становится традицией. В любом случае, или это системный опыт включения в ансамбль детей или молодежи с особенностями, или единичный случай с яркими переживаниями работы с коллективом, куда включены дети с различными формами нарушений и их родители, подобной опыт открывает для руководителей коллективов множество вариантов особенностей у детей, и сложность индивидуального подхода, высочайшую ценность работы с детьми, их семьями. Одни информанты делают акцент на возможности и приоритетности построения «мы»-отношений, формируя дружеские и равноправные взаимодействия. Другие участники исследования, не имеющие опыта тесного взаимодействия с инвалидами, сосредотачиваются на отдельных интеракциях на концертах. В этом случае привычным форматом отношений становится противопоставление «мы-они», и на передний план выходит более широкий общественный контекст и идея десеграциации – инклюзивным становится не только концерт или фестиваль, где участвуют только дети с особенностями, напротив, как говорилось в одном интервью, это и есть эксклюзия. Инклюзивным мероприятием становится в том случае, если приветствуется и практикуется разнообразие.

Выражение признательности

В статье используются материалы исследования, осуществляемого по гранту РНФ 22–28–01592 «Социокультурные детерминанты процесса дезурбанизации в современной России: теоретические и прикладные аспекты миграции горожан из мегаполисов на «малые территории», реализуемого на базе НИУ «Высшая школа экономики».

Список информантов

- Интервью 1, ж., 60, руководитель фольклорного ансамбля
Интервью 2, м., 34 Руководитель/тренер клуба традиционного русского единоборства и фольклора
Интервью 3, м., 40, руководитель фольклорной студии
Интервью 4, ж., 43, руководитель фольклорной студии
Интервью 5, ж., 32, участник фольклорного ансамбля
Интервью 6, ж., 18, участница фольклорной студии
Интервью 7, м., 36, руководитель фольклорной студии
Интервью 8, ж., 55, руководитель фольклорного ансамбля
Интервью 9, ж., 45, руководитель фольклорного ансамбля
Интервью 10, ж., 35, участник фольклорного ансамбля
Интервью 11 ж., 35, преподаватель фольклора в инклюзивном Православном лагере
Интервью 12, м., 16, волонтер инклюзивного православного лагеря
Интервью 13, ж., 29, участник фольклорного ансамбля, организатор культурно-просветительской инициативы
Интервью 14, м., 30, участник фольклорного ансамбля

Материалы для анализа

CityLore (1985) *Discover the Voice of the City*. Available at: <https://citylore.org/> (accessed 1 October 2022).

Place Matters (1988) *About*. Available at: <https://placematters.net/about/> (accessed 1 October 2022).

Список источников

Воронова О. В. (2017) Становление и развитие инклюзивного образования. Историко-генетический аспект. *Вестник Самарского университета*, 23 (2): 37–45.

Добровольская В. Е. (2016) Мнимая инвалидность в русской волшебной сказке. *Вестник Литературного института имени А. М. Горького*, (1): 46–54.

Кононенко Р. В. (2019) Инклюзивный потенциал фольклора. В. Ярская-Смирнова, Д. Зайцев (ред.) *Инклюзивная культура горожан (Нижнее Поволжье)*. М.: Вариант: 183–194.

Кононенко Р. В., Ярская-Смирнова Е. Р. (2022) Инклюзивный потенциал творческих объединений в городской среде. В. Ярская-Смирнова, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Темпорализм социальной реальности пандемии: общественное настроение, курсы и опыт*. М.: Вариант: 275–305.

Николаев В. В. (2006) Народная культура в процессе реабилитации детей-инвалидов. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 10 (2): 63–65.

Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г., Баскин Л. М. (2021) Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области). *Социологические исследования*, (12): 124–134.

Хартблей К. (2014) Добро пожаловать в Сергеичбург: крип-маскулинность и «комедия признания» в России. *Журнал исследований социальной политики*, 12 (1): 111–126.

Хобсбаум Э. (2015) Массовое производство традиций: Европа, 1870–1914. *Непунктуальный запас*, (6). Доступно по ссылке: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/6/massovoe-proizvodstvo-tradiczij-evropa-1870-1914.html> (дата обращения 10.10.2022).

Baron R. (2016) Public Folklore Dialogism and Critical Heritage Studies. *International Journal of Heritage Studies*, 22 (8): 588–606.

Baron R. (2019) Public Folklore. *The Inclusive Historian's Handbook*. Available at: <https://inclusivehistorian.com/public-folklore/> (accessed 01 October 2022).

Blank T. J., Kitta A. (2015) (eds) *Diagnosing Folklore: Perspectives on Disability, Health, and Trauma*. Jackson: University Press of Mississippi

Calem J. (2018) In an Old Folk Tale, a Message of Inclusion for Today. *NY Jewish Week*, February 27, 2018. Available at: <https://www.jta.org/2018/02/27/ny/in-an-old-folk-tale-a-message-of-inclusion-for-today> (accessed 10 October 2022).

Igari K. C., Vita J. C., Flesher J., Armstrong C., Gestsson S., Campbell P. Sh. (2020) *Teaching toward Equity through Collective Songwriting at the Yakama Nation Tribal School*. Available at: <https://jfepublications.org/article/lets-stand-together-rep-my-tribe-forever/> (accessed 30 September 2022).

Kononenko R. V., Karpova E. J. (2012) Collective Identity and Social Capital of the Contemporary Russian Folklore Movement. *Anthropology of East Europe Review*, 30 (2): 77–90.

Lindahl C. (2012) Legends of Hurricane Katrina: The Right to be Wrong, Survivor-to-Survivor Storytelling, and Healing. *Journal of American Folklore*, 125 (496): 139–176.

May-Machunda Ph.M. (2020) Shifting Paradigms toward Equity: Infusing Folklore and Critical Multicultural Knowledge into a Teacher Education Class. *Journal of Folklore and Education*, (7): 36–47.

Morales S. (2020) Folk Culture: A Vessel for Equity in Education. *Journal of Folklore and Education*, (7): 1–8.

Olson L. (2004) *Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity*. New York, London: Routledge Curzon.

Rubin C. L., Dao L. T., Villanieva I., Woo C. (2020) *Untold Stories, Unsung Heroes: Using Visual Narratives to Resist Historical Exclusion, Exoticization, and Gentrification in Boston Chinatown*. Available at: <https://jfepublications.org/wp-content/uploads/2020/09/Untold-Stories-from-TeachingforEquity2020-Final-10.pdf> (accessed 30 September 2022).

Spitzer N. (2007) Cultural Conversations: Metaphors and Methods in Public Folklore. In: R. Baron, N. Spitzer (eds.) *Public Folklore*. Jackson: University Press of Mississippi Press: 77–103.

Watts L. S. (2007) *Encyclopedia of American Folklore*. New York: Facts on File.

TRADITION AS INCLUSION. RESOURCES OF SOCIO CULTURAL INTEGRATION IN FOLK CULTURE

This study is devoted to inclusion, a relevant topic in today's Russia, and its manifestations in various forms in folklore in contemporary contexts. The author focuses on the communities of Russian folk culture enthusiasts and reveals the role of elements of traditional culture in inclusion and integration or differentiation between groups affecting the perception of traditional culture in modern society. The article reveals foreign and Russian resources that have applied folklore to promote inclusion in various cultural projects, covering not only concert performances, but also exhibitions, workshops, websites, educational programs, performative genres, internships, and festivals. Despite the fact that traditional culture can trigger exclusion mechanisms, it also has a rich potential for inclusion. Many forms of folk culture have the potential for social inclusion and support the active life position of people with disabilities and their families, as well as other vulnerable social groups. The difficulties and possibilities of maintaining and developing such forms discussed in this article are based on interviews with the activists of the preservation and development of traditions. The creative role of representatives of vulnerable groups, as well as public folklorists as facilitators and promoters of such projects is shown. Through the prism of the perception of traditional culture by modern folklorists, inclusion is seen as possible and tradition as useful for accepting diversity and moving towards socio-cultural integration.

Keywords: folklore, inclusion, otherness, disability, traditional culture

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-573-590

References

- Baron R. (2016) Public Folklore Dialogism and Critical Heritage Studies. *International Journal of Heritage Studies*, 22 (8): 588–606.
- Baron R. (2019) Public Folklore. *The Inclusive Historian's Handbook*. Available at: <https://inclusivehistorian.com/public-folklore/> (accessed 01 October 2022).
- Blank T. J., Kitta A. (2015) (eds) *Diagnosing Folklore: Perspectives on Disability, Health, and Trauma*. Jackson: University Press of Mississippi
- Calem J. (2018) In an Old Folk Tale, a Message of Inclusion for Today. *NY Jewish Week*, February 27, 2018. Available at: <https://www.jta.org/2018/02/27/ny/in-an-old-folk-tale-a-message-of-inclusion-for-today> (accessed 10 October 2022).

- Dobrovol'skaya V.E. (2016) Mnimaya invalidnost' v russkoj volshebnoj skazke [Imaginary Disability in a Russian Fairy Tale]. *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo* [Bulletin of the Gorky Literary Institute], (1): 46–54.
- Hartbley K. (2014) Dobro pozhalovat' v Sergeichburg: krip-maskulinnost' i 'komediya priznaniya' v Rossii [Welcome to Sergeichburg: Disability, Crip Performance, and the Comedy of Recognition in Russia]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 12 (1): 111–126.
- Hobsbaum E. (2015) Massovoe proizvodstvo tradicij: Evropa, 1870–1914 [Mass Production of Traditions: Europe, 1870–1914]. *Neprikosnovennyj zapas* [The Inviolable Reserve], (6). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/6/massovoe-proizvodstvo-tradicij-evropa-1870-1914.html> (accessed 10 October 2022).
- Igari K. C., Vita J. C., Flesher J., Armstrong C., Gestsson S., Campbell P. Sh. (2020) *Teaching toward Equity through Collective Songwriting at the Yakama Nation Tribal School*. Available at: <https://jfpublishations.org/article/lets-stand-together-rep-my-tribe-forever/> (accessed 30 September 2022).
- Kononenko R. V. (2019) Inklyuzivnyj potencial fol'klora [The Inclusive Potential of Folklore]. In: V. Yarskaya-Smirnova, D. Zaitsev (eds.) *Inklyuzivnaya kul'tura gorozhan (Nizhnee Povolzh'e)* [Inclusive Culture of Citizens (Lower Volga region)]. Moscow: Variant: 183–194.
- Kononenko R. V., Karpova E. J. (2012) Collective Identity and Social Capital of the Contemporary Russian Folklore Movement. *Anthropology of East Europe Review*, 30 (2): 77–90.
- Kononenko R. V., Iarskaia-Smirnova E.R. (2022) Inklyuzivnyj potencial tvorcheskih ob"edinenij v gorodskoj srede [Inclusive Potential of Creative Associations in the Urban Environment]. In: V. Yarskaya-Smirnova, E. Iarskaia-Smirnova (eds.) *Temporalizm social'noj real'nosti pandemii: obshchestvennoe nastroyenie, diskursy i opyt* [The Temporalism of the Social Reality of the Pandemic: Public Mood, Discourses and Experience]. Moscow: Variant: 275–305.
- Lindahl C. (2012) Legends of Hurricane Katrina: The Right to be Wrong, Survivor-to-Survivor Storytelling, and Healing. *Journal of American Folklore* 125 (496): 139–176.
- May-Machunda Ph.M. (2020) Shifting Paradigms toward Equity: Infusing Folklore and Critical Multicultural Knowledge into a Teacher Education Class. *Journal of Folklore and Education*, (7): 36–47.
- Morales S. (2020) Folk Culture: A Vessel for Equity in Education. *Journal of Folklore and Education*, (7): 1–8.
- Nikolaev V. V. (2006) Narodnaya kul'tura v processe reabilitacii detej-invalidov [Folk Culture in the Process of Rehabilitation of Disabled Children]. *Psichologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus* [Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus], 10 (2): 63–65.
- Olson L. (2004) *Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity*. New York, London: Routledge Curzon.
- Pokrovskij N. E., Nefedova T. G., Baskin L. M. (2021) Evolyutsiya prostranstva sel'skih territorij Blizhnego Severa (kejs Manturovskogo rajona Kostromskoj oblasti) [The Evolution of the Space of Rural Territories of the Near North (case of the Manturovsky District of the Kostroma Region)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (12): 124–134.

Voronova O. V. (2017) Stanovlenie i razvitie inklyuzivnogo obrazovaniya. Istoriko-geneticheskiy aspekt [Formation and Development of Inclusive Education. Historical and Genetic Aspects]. *Vestnik Samarskogo universiteta* [Bulletin of Samara University], 23 (2):37–45.

Rubin C. L., Dao L. T., Villanueva I., Woo C. (2020) *Untold Stories, Unsung Heroes: Using Visual Narratives to Resist Historical Exclusion, Exoticization, and Gentrification in Boston Chinatown*. Available at: <https://jfe-publications.org/wp-content/uploads/2020/09/Untold-Stories-from-TeachingforEquity2020-Final-10.pdf> (accessed 30 September 2022).

Spitzer N. (2007) Cultural Conversations: Metaphors and Methods in Public Folklore. In: R. Baron, N. Spitzer (eds.) *Public Folklore*. Jackson: University Press of Mississippi Press: 77–103.

Watts L. S. (2007) *Encyclopedia of American Folklore*. New York: Facts on File.